

ПРИНЦЕВСКИЙ

КРАЙ

Военно-осведомительная, литературная и политическая газета.

Цена отдельного номера в уличной продажѣ 1 марка. Покупавшимъ сразу болѣе 50-ти экземпляровъ скидка 20%.

Адресъ Редакціи и типографіи: Ивангородскій форштадъ, 1-я линія, 5.

№ 49.

Нарва, Вторникъ 6 Января 1920 г.

№ 49.

ПОСЛѢДНІЯ ИЗВѢСТІЯ.

По сообщенію большевистскаго Радіо бои красныхъ съ польскими силами, въ Двинскомъ районѣ продолжаются. Идутъ бои у Мозыря. Объ украинскомъ районѣ большевистское Радіо не упоминаетъ. Въ районѣ ст. Лихой Армія генерала Деникина перешла въ упорныя контръ-атаки.

Никакихъ новыхъ пунктовъ на Югѣ большевиками нигдѣ не занято.

Официальнаго сообщенія отъ штаба Арміи генерала Деникина сегодня не получено.

Нарва, 6 января.

Утро сочельника. Еще будень, но праздникъ уже удверей, къ нему нужно быть окончательно готовымъ, потому что наступить вмѣстѣ съ вечеромъ, потому что будень сегодня длится лишь „до звѣзды“. Въ этотъ день въ русскихъ семьяхъ, гдѣ только есть хоть маленькая возможность создать и поддержать иллюзію уюта на чужбинѣ, ведется послѣдняя работа по уборкѣ дома. Работа скучная, но въ нее хозяйки часто вкладываютъ много строгаго заботливаго педантизма, какъ бы любу-

ясь тѣмъ порядкомъ и чистотою, которая мало по малу разливается кругомъ подъ ихъ руками. Все должно преобразиться къ празднику. Каждая вещь должна стать опрятной, чистой. Должна быть удалена изъ угловъ сѣрая пыльная паутина, должна блестѣть захватанная грязными руками мѣдь.

Большая Русская Семья оказалась заброшенной въ чужіе края подъ праздникъ этого года. Глава этой семьи—мысль о Россіи, члены ея—Сѣверо-Западная Армія и всѣ русскіе люди, проживающіе въ Эстоніи издавна, или появившіеся недавно въ качествѣ бѣженцевъ. Семья разоренная, не имѣю-

щая собственнаго угла, лишенная привычнаго русскаго уклада жизни.

Но праздникъ вѣдь наступаетъ не только для богатыхъ и счастливыхъ, не только для имѣющихъ родной кровь но и для бездомныхъ, остановившихся на перепутьи, даже для заблудившагося и ночующаго въ лѣсу.

Не только комнаты богатыхъ домовъ убираются нарядно, но и бѣднѣйшія лачуги. Лачугамъ пожалуй важнѣе, чѣмъ палатамъ привести себя въ порядокъ, потому что грязь большихъ домовъ зачастую скрыта подъ покровомъ разостланныхъ ковровъ, а полъ и

стѣны лачугъ ничѣмъ не прикрыты; убранство ихъ только чистота.

Такими палатами, гдѣ все старательно прикрыто, приведено во внѣшне приличный видъ, мнѣ представляются многія государства, какъ будто бы и живущія теперь нормальною жизнью, кивая въ сторону „русскаго безобразія“, въ которомъ есть не малая доля ихъ собственной вины. Многимъ государствамъ не вредно было бы почистить свои закулисные углы во избѣжаніе судьбы, аналогичной съ Россіей.

Но не будемъ говорить о другихъ, будемъ держаться тоже политики „невмѣшательства“, — мы

Завтра день Рождества Христова.

Принесли-ли вы что-либо для подарка бѣлымъ воинамъ?

Подумали-ли о нихъ, когда закупали себя розговѣнье къ Сочельнику?

Что вы послали въ Ревель супругѣ Главнокомандующаго Александрѣ Николаевичѣ Юденичѣ на Судебную улицу 8.

Не забудьте послать. Надо чтобы праздники чувствовались и на позиціи.

русские люди и намъ прежде всего дорога Россія. Мы заброшены на Северо-Западъ ея прежней территории, и намъ ближе всего наша „лачуга“. Намъ ближе всего честь и незапятнанная репутация нашей Северо-Западной Арміи, благо ея и русскихъ бѣженцевъ, вокругъ нея группирующихся. Наша бѣдная „лачуга“ тоже должна прибратъ къ празднику, очиститься отъ всего, что бросаетъ на нее, хоть малую, тѣнь. Кто же, можетъ претендовать на полнѣйшую, безукоризненную чистоту.

Но въ томъ то и дѣло, что наша „лачуга“ русскаго дѣла въ Северо-Западной Арміи и вокругъ нея, въ средѣ русскихъ людей, съ нею связанныхъ, не столько нуждается въ самоочисткѣ, сколько въ омытіи съ себя той грязи, которую льютъ на нее словесными потоками извнѣ. Не подумайте только, что я говорю о большевикахъ, не скупящихся на самую отборную ругань въ нашу сторону, не жалѣющихъ русскаго лексикона для опорачиванія Бѣлой Арміи. Въ ихъ устахъ къ намъ прилагаются тѣ самыя имена, что по достоинству принадлежатъ имъ самимъ.

Большевистская ругань, ихъ злобные выкрики намъ не укоръ. Мы должны даже гордиться тѣмъ, что пишутъ о насъ коммунисты, потому что каждое слово ихъ приходится принимать въ обратномъ смыслѣ. Ругая насъ послѣдними словами, большевики намъ воздаютъ хвалу. И больше всего намъ пріятны тѣ

ихъ слова, въ которыхъ мы бываемъ названы врагами и губителями Россіи. Если это произнесено дѣйствительнымъ врагомъ Родины, то выводъ можетъ быть сдѣланъ только одинъ:

Мы были истинными сынами Родины и творили дѣло ея спасенія.

Потоки грязи, о которыхъ мы только что говорили льются съ другой стороны, оттуда, гдѣ прекрасныя слова „Россія“ и „Свобода“ такъ часто слетаются въ горькое для русскаго человѣка презрѣніе къ Россіи и въ своеобразное пониманіе свободы, въ узкомъ смыслѣ: свобода отъ какого либо намека на патриотизмъ. Мы не боимся никакихъ налетовъ, приписываемыхъ въ нѣкоторыхъ кругахъ высокому понятію патриотизма, и подмѣну его какими бы то ни было другими идеями смѣемъ считать недостойной русскаго человѣка. Всякая другая идея хороша только тогда, когда идетъ рука объ руку съ патриотической.

Потому мы, въ сотый разъ призывая каждого члена нашей общей северо-западной семьи къ строжайшему исполненію своего долга, къ разумнѣйшему расходыванію тѣхъ крохъ народнаго достоянія, что находятся въ нашихъ рукахъ или черезъ нихъ проходятъ, мы, снова и снова повторяемъ сегодня сказанное столькими статьями, письмами, призывами: Стойте за русское дѣло, будьте до щепетильности честны во всемъ, что касается нашихъ скудныхъ финансовъ, на-

шего матерьяльнаго достоянія, сами будьте чисты и требуйте всемірами чистоты дѣйствій отъ подчиненныхъ. Нашъ призывъ не оставался напраснымъ. Дѣло оздоровленія жизни Арміи дѣлалось и дѣлается вѣрными руками въ это труднѣйшее время, но мы звать не устаемъ, потому что призывъ нашъ имѣетъ источникомъ любовь къ Россіи.

Пользоваться же для такого призыва самымъ оскорбительнымъ для арміи подборомъ словъ мы не могли бы, какъ это смѣютъ продѣлывать другіе, принимая въ то же время видъ угнетенной невинности: „Боже упаси писать о русскихъ дѣлахъ, непременно кого-нибудь обидишь и выдашь всему свѣту важныя тайны...“ Это послѣ того, какъ самымъ откровеннымъ образомъ полить грязью взятый въ кавычки „бѣлый крестъ“, святой знакъ бѣлаго солдата, какихъ тысячи отдали жизнь за Россію, самопожертвованіе которыхъ заслуживаетъ лишь полнѣйшаго прекломенія.

Богъ съ ними, пишущими... Въ часы, отданные убранству нашего маленькаго русскаго угла къ предстоящему празднику, уберемъ и ихъ изъ своихъ мыслей, — такъ вѣдь хочется отдохнуть на чистомъ и свѣтломъ, видѣть Россію снова русской, русскаго человѣка честнымъ и патриотичнымъ.

Изъ большевистскаго Радіо.

Московская радиостанція въ радиотелеграммѣ отъ 4-го января рисуетъ слѣдующую картину на Западномъ и Южномъ большевистскихъ фронтахъ.

Въ Нарвскомъ районѣ спокойно. Въ Двинскомъ Районѣ продолжаются бои. Краткость такого сообщенія заставляетъ предполагать, что бои идутъ съ продолжающимися наступленіями польскими силами, переправившимися черезъ Западную Двину согласно вчерашняго Радіо большевиковъ.

Въ Мозырскомъ районѣ мелкіе бои мѣстнаго значенія въ 30 верстахъ западнѣе Мозыря. О районахъ Бердичевскомъ и Киевскомъ, Полтавскомъ и Харьковскомъ въ большевистской сводкѣ вовсе не упоминается. Отмѣчается продолженіе боевъ въ Екатеринославскомъ, Бердянскомъ и Мариупольскомъ направленіяхъ, безъ указанія какихъ-либо вновь достигнутыхъ красной Арміей пунктовъ. Далѣе въ районѣ западнѣе станціи Лихой, по словамъ большевистскаго радіо, „Деликинская Армія оказываетъ упорное сопротивление, переходя въ контръ-атаки. бои продолжаются“.

Продвиженіе отмѣчается лишь въ районѣ станціи Каменской и Царицына, безъ указанія опять таки какихъ-либо вновь занятыхъ пунктовъ.

Неуспѣхъ на западѣ, молчаніе объ украинскомъ фронтѣ на громадномъ участкѣ „контръ-атаки“ въ районѣ Лихой и лишь нѣкоторый успѣхъ на приволжскомъ участкѣ, заставляютъ понимать, что большевистскій перывъ выдыхся и наступаетъ новый фазисъ борьбы, переломъ ея, не въ пользу Красной Арміи.

Официальнаго сообщенія отъ штаба Арміи Генерала Деникина сегодня не получено.

НЕЗАДАЧА.

(Окончаніе).

Шиловъ, увидавъ Федота, закричалъ: — Здравствуй товарищъ Антиповъ! Ты пришелъ насчетъ коровы? Корова твоя захромала и отдѣлъ передалъ ее продовольственникамъ. Иди, туда дверь рядомъ.

Федотъ яростно зачесалъ затылокъ потомъ вздохнулъ и пошелъ къ продовольственникамъ.

Комиссаромъ продовольствія былъ товарищъ Моисей Клейнштейнъ. Когда вошелъ Федотъ, комиссаръ оживленно говорилъ о чемъ-то на своемъ родномъ языкѣ Рабиновичу, предсѣдателю чрезвычайки. Видъ у комиссара былъ сіяющій. По круглому брюшку болталась толстая золотая цѣпь; на жирныхъ пальцахъ блестяли кольца.

— Тебѣ чего надо?

— Коровенку мою отобрали.

— А какъ тебя звать?

— Федотъ Антиповъ.

Комиссаръ раскрылъ книгу и сталъ читать записи.

Ты изъ деревни Клопицы? Черная корова, съ бѣлой полосой на лбу?

— Точно...

— Твою корову вчера вечеромъ зарѣзали. Часть мяса отдана въ комитетъ бѣдноты, часть продана... Тебѣ причитается за восемнадцать пудовъ—тридцать шесть рублей.— Понялъ?

Федотъ оторопѣлъ. Въ его головѣ блеснула мысль, что корову теперь не купить и за шесть тысячъ, а дѣтишки безъ молока пропадутъ... Мужика охватило слѣпое бѣшенство. Онъ схватилъ стулъ, разразился бессмысленною площадною бранью и дико закричалъ:

— Ахъ, вы кровопійцы!... жиды проклятые, чертовы хриstopродавцы... Придутъ бѣлье!...

Федотъ захлебнулся отъ ярости и запустилъ тяжелымъ стуломъ въ Клейнштейна. Моисей заоралъ благимъ матомъ отъ испуга и боли. Рабиновичъ бросился въ сосѣдную комнату, крича во все горло:

— Эй, охрана, сюда!... Хватай его!..

Человѣкъ десять солдатъ и матросовъ съ винтовками кинулись на Федота и и потащили его въ охранку, награждая ударами прикладовъ. Федотъ отчаянно сопротивлялся, кричалъ: „жидовскіе наймиты!“... Но сила солону ломить, и черезъ нѣсколько минутъ, жестоко избитый, весь окровавленный, онъ покорно стоялъ передъ Рабиновичемъ, опустивъ голову и тихо бормоталъ: „эка задача“...

Рабиновичъ писалъ протоколъ. Записавъ имя и званіе товарища Федота Антипова, онъ обстоятельно занесъ въ протоколъ брань, все слова Федота, и закончилъ картиннымъ описаніемъ покушенія его на убійство отвѣтственнаго совѣтскаго служащаго Моисея Клейнштейна.

Прочитавъ протоколъ, Рабиновичъ спросилъ Федота:

— Грамотный?

— Грамотный,—отвѣтилъ угрюмо Федотъ.

— Подпиши.

— Пописывать не буду. Убивать не хотѣлъ.. а пусть попомнитъ какъ нашу кровь пить. жидюга проклятый!..

Рабиновичъ, отправившій на тотъ свѣтъ не одну сотню „контръ-революционеровъ“, всегда мягкій въ обращеніи, но кровопійца и каторжникъ душой, взяточникъ и гнусный провокаторъ по натурѣ, вдругъ вскипѣлъ гнѣвомъ.

— Ахъ, ты гой проклятый!.. я тебя вздерну на ворота!...— съ скрежетомъ зубными Рабиновичъ толкнулъ кулакомъ по носу Федота и плюнулъ ему въ лицо.

На мужика накатило. Онъ размахнулся во всю мочь и не успѣлъ товарищъ Рабиновичъ глазомъ моргнуть, какъ здоровенная оплеуха свалила его съ ногъ и онъ пронзительно завизжалъ:

— Ай, гевальт!.. скандалъ!... Бей его въ мою голову!...

Матросы бросились на Федота и принялись нещадно избивать его... Когда онъ потерялъ сознание, его бросили въ „секретную“, куда сажали приговоренныхъ къ смертной казни.

Вечеромъ было бурное засѣданіе Исполкома совмѣстно съ членами чрезвычайки.

А на утро, около шести часовъ, пришедшаго въ сознание Федота Антипова вывели изъ секретной. Онъ съ

Только эпизодъ.

Это произошло около полутора года тому назад, на далекомъ югѣ, у чарующихъ береговъ Чернаго моря, въ тихомъ приморскомъ городкѣ. Въ то время чудомъ возродившаяся изъ обломковъ геройскихъ отрядовъ Корнилова добровольческая армія разбила у Екатеринодара громадную по численности, но плохо организованную и не дисциплинированную орду, знаменитаго на югѣ своими разбойничьими подвигами, главокома Сорокина. Часть этого полчища озвѣрѣлыхъ, оборванныхъ, полудикахъ людей, бѣглыхъ каторжанъ и арестантовъ Екатеринодарскихъ тюремъ, такъ называемая Таманская армія, оперировавшая въ районѣ Таманскаго полуострова до своего соединения съ Сорокинымъ, въ слѣпомъ ужасѣ, ища спасенія отъ штыковъ и пулъ добровольцевъ, ринулась на югъ отъ Екатеринодара. Кошмарной волной прокатилась она черезъ Новороссійскъ и двигаясь далѣе по берегу подъ давлениемъ преслѣдующихъ по пятамъ добровольцевъ, докатилась до маленькаго прибрежнаго городка Т. Защищавшая этотъ пунктъ мужественная, но слабая численно грузинская армія не выдержала стихійнаго натиска бѣгущей пятидесятитысячной орды и отошла въ горы, на югъ, прикрывая Сочи. Т. оказалось во власти большевиковъ, въ полной мѣрѣ осуществившихъ здѣсь на практикѣ принципъ отрицанія частной и казенной собственности. Измученная непрерывнымъ, усиленнымъ маршемъ отъ самаго Екатеринодара, красная армія оказалась вынужденной на нѣсколько дней задержаться въ Т., чтобъ дать передышку людямъ и лошадямъ. Тѣмъ временемъ въ Керчь, занятую добровольческими войсками, прибылъ изъ Москвы эшелонъ офицеровъ и солдатъ и инвалидовъ, возвратившихся изъ плѣна въ Германіи. Эти люди, всѣ болѣе или менѣе серьезно раненые или

больные, были снабжены соответствующими свѣдѣтельствами совѣтскихъ властей и врачебными удостовѣреніями Московскаго краснаго креста и отправлены на югъ для леченія. Въ Керчи эшелонъ, состоявшій приблизительно изъ 50 человекъ, былъ посаженъ на баржу и на буксирѣ парохода отправленъ къ мѣсту назначенія: Сочи, Гагры, Сухумъ и друг. прибрежныя мѣстности.

Военныя событія этого періода развивались съ такою быстротою, что освѣдомленность мѣстныхъ властей часто оказывалась далеко не на должной высотѣ. Никѣмъ не предупрежденной обѣ остановкѣ красной арміи въ Т., увѣренной, что городъ занятъ грузинами или добровольцами, капитанъ парохода рѣшилъ завернуть въ этотъ портъ по какому то своему личному дѣлу. Но уже войдя въ гавань порта и приближаясь вплотную къ пристани онъ былъ пораженъ видомъ толпившейся на ней массы вооруженныхъ людей.

— Какая власть въ городѣ? — спросили съ парохода.

— Совѣтская, — послѣдовала отвѣтъ.

— Въ тотъ же мигъ капитанъ даетъ звонокъ въ машину, командуетъ поворотъ, полный ходъ вперед и пароходъ, таща за собою баржу съ ранеными, несется обратно къ выходу изъ порта, на глазахъ у остолбенѣвшихъ красноармейцевъ. Къ несчастію оцѣпененіе неожиданности длилось недолго, опомнившись „товарищи“, взбѣшенные видомъ ухаживавшихъ у нихъ изъ подъ носа „кадетовъ“ подняли неистовую пальбу изъ винтовокъ по пароходу и баржѣ. Затрещали притащенные изъ расположеннаго по близости штаба пулеметы. А пароходъ все удаляется и удаляется. Вотъ онъ прошелъ уже створъ гавани и взялъ курсъ на Новороссійскъ, стремясь укрыться за мысомъ Кадошъ. Но вотъ грянуло полевое орудіе, одинъ, другой разъ, третій. Снаряды ложатся все ближе

и ближе, баржа сильно затрудняетъ движеніе парохода, мѣшая ему маневрировать и развить полный ходъ. Что оставалось дѣлать капитану?

Остановиться — значитъ обречь себя на вѣрную смерть. Большевики несомнѣнно не пощадятъ ни его, состоящаго на службѣ у добровольческой арміи, ни нѣсколькихъ бывшихъ съ нимъ пассажировъ, членовъ Керченской гражданской администраціи. Продолжать идти съ баржей на буксирѣ — значитъ навѣрняка быть потопленнымъ артиллерійскимъ огнемъ. Онъ избралъ не героическій, но единственный благоразумный выходъ — перерубилъ буксиръ и бросилъ баржу на произволъ судьбы, ушелъ къ Новороссійску. Мгновенно десятки простыхъ и моторныхъ лодокъ бросились къ оставленной баржѣ и среди побѣдныхъ ликований, воинственныхъ криковъ и угрозъ, больные, раненые и безоружные люди были доставлены въ городъ. Все это чрезвычайно напоминало сцены изъ Майнъ-Рида и Купера, изображающія дикія, воинственные пляски кровожадныхъ краснокожихъ вокругъ попавшихъ къ нимъ въ руки европейцевъ. „Плѣнныхъ кадетовъ“ усталыхъ, измученныхъ и больныхъ начали подъ усиленнымъ конвоемъ красноармейцевъ таскать по пыльнымъ, душнымъ улицамъ города отъ пристани къ штабу, отъ штаба къ совѣту, обратно къ штабу и т. д. Тяжело было смотрѣть на эту толпу калѣкъ героевъ, потерявшихъ здоровье и силы въ честной борьбѣ съ врагами родной земли, съ мѣшками, сумдучками и котомками на большихъ плечахъ, хромыхъ, съ волочащимися ногами, опираясь на палки и костыли и поддерживая другъ друга какъ покорное стадо плетущихся подъ грубыя оклики и пощипыванія красноармейцевъ. У штаба и совѣта, гдѣ ихъ часами заставляли стоять на солнцепекѣ ихъ окружала враждебная, наглая толпа, слышались жесто-

кія, вызывающія слова: „Знаемъ мы какіе это раненые! Кадеты проклятые! Всѣхъ васъ въ расходъ нужно пустить“. Тревога и тоска видѣлись на блѣдныхъ утомленныхъ лицахъ плѣнниковъ. Большинство изъ нихъ были солдаты. Эти еще бодрились и робко-заискивающе объяснялись съ „товарищами“. Офицеры молчали. Суровымъ покорнымъ фатализмомъ вѣяло отъ смуглыхъ лицъ двухъ молодыхъ офицеровъ грузинскаго типа. Но жуткое предчувствіе рокового конца уже горѣло въ мрачномъ огнѣ ихъ угрюмыхъ черныхъ глазъ. Болѣе спокойнымъ казался пожилой, сухощавый полковникъ, покуривавшій папиросу.

Въ сущности, не смотря на враждебно настроенную толпу красноармейцевъ чего имъ, казалось, бояться? Документы и врачебныя свѣдѣтельства у всѣхъ имѣются, выданныя самими совѣтскими властями въ Москвѣ. Дѣло ихъ ясное и чистое: вернувшіеся изъ плѣна инвалиды ѣдутъ лечиться на югъ. Придраться не къ чему, потаскаютъ, потаскаютъ и выпустятъ. Но судьба, или вѣрнѣе произволъ озвѣрѣвшихъ людей рѣшилъ иначе. При обыскѣ въ чемоданахъ офицеровъ среди ихъ вещей нашли золотые офицерскіе погоня. Этого оказалось достаточно, чтобы не смотря на всѣ документы и очевидныя доказательства ослѣзни и раненій, приговорить къ смертной казни одиннадцать инвалидовъ офицеровъ. Несчастные были отвезены на мѣстное кладбище и зарублены шашками около заранѣе приготовленной общей могилы, куда и сбросили ихъ окровавленные, изуродованные трупы.

Такъ заплатили „товарищи“ большевики долгъ матери-родинѣ ея мужественнымъ сынамъ, отдавшимъ всѣ силы свои на служеніе родной землѣ, за нее обгадившимъ своей кровью поля жестокихъ сраженій съ чужеземнымъ врагомъ.

трудомъ стоялъ на ногахъ и отхаркивался кровью. Правый глазъ у него вытекъ; ушная раковина была оторвана. зубы были выбиты; лицо представляло сплошной кровоподтекъ...

На вопросы онъ не отвѣчалъ, такъ какъ совершенно оглохъ отъ побоевъ. Его взяли подъ руки два солдата и повели въ садъ. Сзади шелъ Рабиновичъ и шесть матросовъ съ винтовками. Тамъ въ глухомъ саду сада у погреба его повернули лицомъ къ каменной стѣнѣ. Стѣна была забрызгана кровью и около нея валялись еще неубранные трупы людей, разстрѣлянныхъ наканунѣ.

— Ну, — сказалъ Рабиновичъ.

„Краса и гордость революціи“, волею судебъ, превратившіеся въ наемныхъ палачей и убійцъ несчастнаго народа, стали цѣлить въ Оедота.

Рабиновичъ махнулъ рукой.

Раздался нестройный залпъ.

Гражданинъ Совдепіи забился въ смертной агоніи...

К. П.

Коммуна.

Разъ пріѣхали въ Дубново, Хлѣбородное село

Агитаторы изъ Пскова.
(Чортомъ видно принесло).

По избушкамъ разослали
Со штыками молодцовъ, —
Не пойдешь, тогда едвали
И сведешь съ концомъ концовъ:

Все растапуть, все до нитки
Оберутъ, самихъ въ острогъ,
Ужъ такой народецъ пряткій,
И приказецъ больно строгъ.

Собрались, молчатъ уныло,
Агитаторъ говоритъ,
На словахъ выходитъ мило,
Прямо въ рай земной манить.
Вышло-моль въ Москвѣ рѣшенье

Всѣмъ коммуны заводитъ
Дѣлъ коммуны той веденье
Коммунистамъ поручить.

Есть понятіе такое:

Раздѣленіе труда,

Сократить работу вдвое,
Безъ него вамъ никуда.

Всѣ работай, какъ бывало,
Ну а мы поможемъ вамъ,
Потрудимся мы не мало,
Урожай же пополамъ.

И не станетъ здѣсь отнынѣ
Богачей, и бѣдняковъ
Не останется въ поминѣ
Рабствомъ скованныхъ оковъ.

Покачало головами,
Поразмыслило село.
Убѣжденное рѣчами,
Впрямъ коммуны завело.

Годъ прошелъ. До урожая
Дотянули какъ быть слѣдъ,
Спинъ своихъ не разгибая,
Сжали все, — не ждали бѣдъ.

Только тутъ пошло все криво,
Какъ дошло до дѣлежа.
Раздѣленье, всѣмъ на диво,
Вышло вродѣ грабежа.

Кто работалъ въ чистомъ полѣ,
Кто подъ солнцемъ спину гнулъ,
Оказался въ меньшей долѣ
Съ тѣмъ, кто лѣто въ усь не дулъ.

Оказалось, агитаторъ
Раздѣлялъ крестьянскій трудъ, —
Онъ, вишь ты, администраторъ
Онъ творилъ расправу-судъ.

Такъ подай ему за это
Больше всѣхъ, такой закодь,
Вѣдь за всѣхъ зиму и лѣто
Головой работаль онъ.

Раздѣленьице съ извѣномъ
Не годится никуда.
Не понравилось крестьянамъ
Раздѣленіе труда.

Я—въ Бѣлый.

Расскажите это Ленину или Троцкому и в ответ получите нагло равнодушное: „Чтожь, это один из мелких эпизодов гражданской войны“.

Профессиональные заступки.

Уже издавна люди определенной профессии объединялись в особые группы имевшие свою внутреннюю организацию, свои задачи, иногда даже свой устав.

Таковыми организациями были со средних веков „цехи“, объединившие в городах различного рода ремесленников. Цехи юртных, сапожников, часовщиков, ткачей, кузнецов, даже певцов. Отличительной чертой всех цехов была их цель — улучшить, усовершенствовать производство, создавать кадры новых работников профессии под руководством и наблюдением старых опытных мастеров.

Сообразно с этой целью у цехов были выработаны строжайшие уставы, которым каждый член цеха беспрекословно подчинялся.

Была установлена лестница деловой иерархии. Каждый новый член вступал в цех простым безправным учеником, и лишь трудом и совершенствованием добивался высшего положения но за то с первой же минуты он становился под защиту всей цеховой корпорации.

Он добивался затем, проходя школу труда, звания „подмастерья“, уже некоторой самостоятельности, — затем звание полноправного „мастера“, а может быть становился и „старшиной цеха“, его руководящим главою.

Порядок этот выработывался веками, и в нем вмещалась глубокая деловитость выработанная многими поколениями, как например обязательное для младших членов цеха путешествие: свету поведать и уму — разуму поучиться.

Потому-то, повидимому, в сказках запада подмастерье, ловкий, веселый стоит на ряду со сказочными принцами и рыцарями.

У цехов выработался и картинный обиход, цеховая одежда, знамена, гимны и песни.

А красота работ не помеха — помощь. Времени изменилось. На смену ремесленному труду, почти убитая его, явился труд фабричный. Условия труда стали иными, новыми, а потому и для объединения лиц, занимающихся одинаковым делом, появились новые установления.

Появились „профессиональные союзы“, объединяющие тысячи и десятки тысяч рабочих одной и той же специальности.

О профессиональных союзах написано много, их истории слова и повторять ее даже коротко не приходится, памятуя же общую их цель по сравнению с цехами возможно в следующих кратких формах.

Профессиональными союзами в Европе не преследуется цель усовершенствования производства. Это вошло в задачу инженеров и других руководителей фабричной и заводской работы.

Цель их — защита интересов рабочих одной специальности и взаимопомощь.

Но это в культурном мире.

А в странах, где царствует „рабоче-

крестьянская власть“ этого нет. Не подумайте только, что там нет профессиональных союзов. Название это там существует, но из него вынута сущность и заменено... сыском и ежовыми рукавицами.

В союзе нет человека, который бы не принадлежал к какому-нибудь профессиональному союзу, а часто и к нескольким сразу. Например уборщик помещений железнодорожных мастерских будет и в союзе металлистов, и в союзе железнодорожных служащих и в союзе какой-нибудь „народной гигиены“.

Коммунистом в союзе можно и не быть, иногда даже трудно им стать, если не имешь знакомства с несколькими нагнетанными мерзавцами. А не быть членом профессионального союза невозможно. Жить без красной членской карточки немислимо.

Партия для избранных, — тиски профессионального союза для всех.

Я говорю, тиски, потому что союзы как раз и являются тем органом, через который советское правительство осуществляет контроль над каждым из своих рабочих — граждан.

Начих прав никакой профессиональный союз не защищает, потому что „власть-моль и так принадлежит рабочим“, но тяготы налагает массу.

Союз, во главе которого неизменно стоят самые махровые коммунисты, следит не хуже охраны за каждым движением, помышлом своих членов, держит под строжайшим контролем их частную жизнь.

Союз с исправностью судебного пристава ловит своих членов на антисоветских поступках, мобилизует в красную армию „добровольцами“, и хоть и не выработывает, но принимает новые ставки жалованья.

Да как там не примешь, когда приказыывают.

Профессиональные союзы имеют колоссальнейшие канцелярии с огромными штатами, и, по откату всех, нет больше придирчивых, более бюрократических учреждений, чем эти профессиональные заступки.

Для взаимопомощи от союзов отнято, о цеховых производствах и думать не приходится, потому что его вообще не может быть при закрытых заводах. Вся работа многих рабочих в том только и состоит, что они числятся в профессиональном союзе.

Остаются „развлеченія“. Да, о них союзы заботятся, но по строжайшей указке свыше. Пение интернационала, лекция о бессудности существования Бога на том основании, что дышать можно вывести и в инкубатор, а не из под курицы; митинг для посылки очередной приветственной телеграммы Ленину или Троцкому и все.

А если уклоняешься от этих „развлеченій“ то судьба известна, но головку не поглядить.

Словом ни улучшения производства, ни какой-нибудь поэзии, как у старых цехов, ни защиты интересов рабочих, — ничего, кроме обмана и смеха.

Быль впрочем один союз, который пытался противостоять большевистским теплицам, пробовал проводить свой союз печатников, — но его быстро придумали.

А на запад все-таки находится безумцы, воображающие, что в Союзе, хоть и неудачно, но проводится какой-то социализм.

Блинов.

Из иностранных газет.

Генерал Деникин вреня себя.

ЛОНДОН 19 декабря (Удси Суоми 20 декабря). Деникин заявил интервью газете Таймс, что он не намерен заключать мира, а также вступить в переговоры с большевиками.

Иного и нельзя ожидать от вожда Юга России. Его первая цель победить и вырвать большевизм с корнем.

Заигрывание большевиков с социалистами.

„Таймс“ приводит следующую соображения по поводу расказней о переменах большевистского курса:

Согласно сообщению из Москвы, русская коммунистическая большевистская партия в последнее время соединилась с другими социалистическими организациями, которая до сих пор она преследовала. Это чрезвычайно искусная выдумка, предназначенная специально для наших крайних собственных партий, которые могут теперь показывать пальцем на извращенную „капиталистическую“ прессу и говорить: „Мы говорили Вам. Большевики все-таки благожелательный и умренный народ“. Что они не скажут нам, это то, что сказал на этих днях комиссар по внутренним делам Всероссийскому Совету, а именно, что вследствие враждебного отношения рабочих, скорое падение Советского Правительства неизбежно, если только оно не будет в самом непродолжительном времени признано союзниками и нейтральными странами.

Правители России, изображаемые господами социалистами гуманными и мягкосердечными людьми, обратили ныне свое внимание на кооператоров, из числа которых они застрелили 19 и арестовали 100 человек. Они предприняли теперь разрушение единственной организации, которая повидимому удерживает еще Россию от обращения в состояние доисторического дикарства.

Но господам любителям взять большевиков под социалистическую опеку этого мало. Пока еще не их самих разстреливали, не их повесили, а только из русских единомышленников, так почему же и не погладить о „величайшей глупости“ в ожидании своей очереди на пулю, или веревку.

Расписание

богослужений в Нарвской Знаменской церкви

с 24 Декабря 1919 г. (6 Января 1920 г.) по 6 (19) Января 1920 г.

Вторник, 24 Декабря 19 г. (6 Января 20 г.) Рождественский Сочельник Часы и обдья в 10 ч. у.

В тот же день — праздничное все-нощное бдние в 4 ч. по полудни.

Среда, 25 Декабря 1919 (7 Января 1920 г.) — Рождество Христово. Ранняя обдья в 6 ч. утра. Поздняя обдья в 8 ч. утра.

Четверг, 26 Декабря 1919 (8 Января 1920 г.) — Собор Пресв. Б-цы. Утренняя и ранняя (заупокойная) обдья в 6 ч. утра.

Поздняя обдья и послѣ нея панихида в церкви по убиенным. Протоиерей Димитрий Чистосердовъ и священноиерей Александръ Волковъ (годовщина ихъ мученической кончины), а затѣмъ краткая литія на могилахъ ихъ, в 9 ч. утра.

Пятница, 27 Декабря 1919 г. (9 Января 1920 г.) Св. муч. Архидиакона Стефана. — Утренняя и литургия в 8 час. утра.

Суббота, 28 Декабря 1919 г. (10 Января 1920 г.) Утренняя и литургия в 8 ч. у.

В тот же день — Всенощное бдние в 4 ч. по полудни.

Воскресение, 29 Декабря 1919 г. (11 Января 1920 г.) — ранняя обдья в 6 ч. у., поздняя обдья в 9 ч. у.

В тот же день, вечерня в 4 ч. по полудни. Акакисть Спасителю.

Вторник, 31 Декабря 19 г. (13 Января 20 г.) — Всенощное бдние в 4 ч. по полудни.

Среда, 1 (14) Января 20 г. — обдья в 9 ч. утра Новогодний молебенъ.

В тот же день — заупокойное все-нощное бдние (парастася) в 4 ч. по полудни.

Четверг, 2 (15) Января 20 г. — заупокойная обдья в 9 ч. утра (по священно — мученикомъ Юрьевскимъ; Епископъ Платонъ, протоиерей: Николаѣ Бѣжаницкомъ и Михаилѣ Басилев) и панихида послѣ нея.

Суббота, 4 (17) Января 20 г. — утренняя обдья в 8 ч. у.

В тот же день — всенощное бдние в 4 ч. по полудни.

Воскресение, 5 (18) Января 20 г. — ранняя обдья в 6 ч. утра., поздняя обдья в 10 ч. у., водосвятіе в 1 ч. дня, всенощное бдние в 4 ч. дня.

Крещение Господне.

Понедѣльник, 6 (9) Января 20 г. — ранняя литургия в 6 ч. у. поздняя в 8 час. утра. Крестный ходъ на Иорданъ на Зиновьевскую пристань. Великое водоосвященіе.

Протоиерей К. Колчинъ.

Отвѣтственный редакторъ:

Г. ЛАМБЪ.

Издатель В. ЛЕБЕДЕВЪ.